

Лин Цзюмо лежал на просторном ложе во Дворце Чжучи, лениво разглядывая сидевшего перед ним красавца.

Тонкие, словно омытые осенней прохладой брови, безупречная, точно чистейший нефрит, кожа; стоит ему едва заметно улыбнуться — и лицо его расцветает ярче весенних персиков. Поистине, его красота могла бы сокрушать царства. И всё же...

— Ты очень красив. И, надо признать, вызываешь... аппетит, — Лин Цзюмо приподнял изящный подбородок юноши. В его взгляде на мгновение отразилось ленивое замешательство. Прикрыв веки, он склонился к губам красавца и поцеловал его. Дождавшись, когда тот прерывисто и сладко задышит, Девятый принц отстранился и разочарованно покачал головой: — И всё же... Вкусы у меня прежние. Ты меня совсем не заводишь.

Юноша на миг опешил, но тут же опустил взгляд и соблазнительно, с мягкой полуулыбкой проговорил:

— Ваше Высочество, не стоит судить о вкусе блюда, даже не попробовав его.

Он ласково скользнул руками за уши Лин Цзюмо; его горячие губы прильнули вслед за ними, едва ощутимо прикусывая кожу. Лю Даньцай обнял принца за шею. Спустя мгновение их шелковые одежды легко, точно свиток картины, соскользнули с плеч. Во взгляде юноши читался откровенный призыв; его влажные поцелуи опускались всё ниже, очерчивая контуры тела и дразня прикосновениями губ и кончиков пальцев.

Лин Цзюмо не сопротивлялся. Он смотрел с ленивым превосходством и снисходительным любопытством. Положив ладони на хрупкие плечи партнёра, он резко потянул ткань — тонкий шёлк с треском разошёлся. Щёки Лю Даньцай вспыхнули румянцем; он тесно прижался лицом к плечу юноши, ища тепла, пока его руки нетерпеливо опускались к поясу принца.

Вглядевшись в это безупречно красивое лицо, Лин Цзюмо вдруг почувствовал, как в один миг улетучивается всякое желание. Голос его, обычно чистый и звонкий, прозвучал тихо и угрожающе:

— Пошёл вон.

Юноша остолбенел. Не успел он опомниться, как принц безжалостно оттолкнул его ногой, сбрасывая с постели.

— Ваше Высочество... — тихо и жалобно позвал Лю Даньцай, и его пальцы судорожно скользнули по собственной коже в отчаянной попытке вернуть утерянный интерес господина.

Но Лин Цзюмо уже поднялся. Не выказывая ни капли жалости, он грубо схватил юношу за волосы, заставив запрокинуть голову, и прошипел:

— Больше я повторять не стану.

Стоявшая на часах у дверей служанка, юная Чжэн-эр, уже успела поверить, что будущий супруг принца наконец определён. Видя, что юный господин сегодня пребывает в благодушном настроении, она позволила себе немного расслабиться и на мгновение опустила голову, задумавшись о своём. Но стоило ей отвлечься, как из дверей, подобно сорванному бурей увядшему лепестку, вылетел давешний писанный красавец.

Она протёрла глаза, силясь поверить, что распростёртый на холодном полу жалкий и незащищённый юноша — действительно их несостоявшийся господин. Чжэн-эр бросилась на помощь, но не успели её дрожащие пальцы коснуться тонких запястий несчастного, как от дверей раздался тихий, вкрадчивый голос, от которого веяло скрытой угрозой:

— Чжэн-эр, я погляжу, ты совсем страх потеряла?

Служанка в ужасе рухнула на колени.

— Пощадите, Ваше Высочество! Ваша раба не смеет! Клянусь, впредь я...

Девятый принц прищурился, лениво скользнув взглядом по её бледному от испуга лицу. Он хищно усмехнулся.

— Подай чистые одежды. Едем в Терем Сотни Цветов.

С этими словами он круто развернулся и ушёл к себе, даже не взглянув на брошенного у ног фаворита.

Чжэн-эр испуганно схватилась за шею, словно проверяя, цела ли голова.

«Но ведь Императрица говорила... говорила...»

Вспомнив зловещий взгляд принца, она осеклась и, стиснув зубы, поспешила в покои:

— Превосходное одеяние забрали слуги Её Величества... Но я заранее попросила евнуха Фу привезти новое. Сейчас я его принесу...

Через какое-то время над ухом Лю Даньцая раздался тонкий, заискивающий голосок:

— Молодой господин Лю, очнитесь... Его Высочество уехал...

Юноша медленно поднялся с колен. Снежно-белым шелковым платком он вытер выступившую

у губ алую струйку крови и с тихой, кроткой улыбкой поблагодарил слугу. Он держался безупречно вежливо, но за опущенными ресницами невозможно было скрыть горькое разочарование.

«И впрямь, нрав у него переменчив как ветер... Но ничего. Это не имеет значения...»

— Ого! Батюшки, неужто это наш Суйфэн?! — старик Чжао Куан, заметив промчавшегося через залу стрелой стражника в непривычно ярком наряде, так и застыл от изумления.

— Так точно, старый господин. Это я, — выдавил из себя Суйфэн. Лицо его при этом превратилось в каменную маску.

— Надо же, сподобился нарядиться во что-то приличное! А ну-ка, повернись, дай старому господину полюбоваться... — старик замахал руками.

Суйфэн помрачнел ещё сильнее, едва сдерживая стон.

— Ну же, покрутись... — Чжао Куан осёкся на полуслове.

Увидев бесстрастно застывшего в дверях Чжао Бучжи, Суйфэн наконец облегчённо выдохнул.

Всякий раз, когда старый господин начинал нести околесицу, появление молодого хозяина становилось для Суйфэна спасением. Однако сегодня что-то было не так. Чжао Бучжи казался мрачнее тучи.

Чжао Бучжи плотно сжал губы. Он медленно обвёл гостиную пронзительным, точно у ястреба, взглядом. У всех присутствующих по спинам пробежал леденящий холодок. Чуть приподнятый подбородок и холодное величие, сквозившее в каждом его жесте, заставили даже старого Чжао опустить глаза. С годами врождённая властность этого юноши проявлялась всё ярче, подавляя окружающих без единого слова. Если бы он не сдерживал этот напор при дворе, кто знает, скольких бы он нажил врагов...

— Старый господин, во дворе снег совсем тропинки засыпал, пойду приберусь, — заторопился один из слуг.

— Сяо Цуй, проверь-ка, не поспел ли обед на кухне, пойдём поможем, — зашептались другие.

— Кажется, в годовом отчёте опять нестыковки, надо перепроверить счета, — забормотал управляющий.

Даже преданный старый дворецкий нашёл благовидный предлог и поспешил ретироваться. В просторной зале остался лишь Чжао Куан, вынужденный с глазу на глаз противостоять гневу собственного сына.

— Суйфэн, отправляйся сегодня во дворец и разузнай, как дела у Лю Даньцая, — ледяным тоном распорядился Чжао Бучжи. Затем он перевёл тяжёлый взгляд на повязку, закрывавшую половину лица отца: — Батюшка, если вам так скучно, лучше прокатитесь в Терем Сотни Цветов. Нечего донимать моих стражников.

«Донимать... Неужели я действительно перегнул палку?»

Старик Чжао покрылся холодной испариной. Суйфэн рядом с ним побледнел ещё сильнее, стиснув челюсти так крепко, что отчётливо слышался зубовный скрежет.

— Да-да, я мигом! — Чжао Куан поспешно закивал. Уж лучше переждать бурю в весёлом квартале, пока домашние не поостынут.

— Вы... — Чжао Бучжи лишь бессильно вздохнул, глядя на этого взбалмошного старика, и в гневе взмахнул широким рукавом, стремительно покидая залу.

Суйфэн успел заметить, как в складках струящегося рукава побелели сжатые в кулак пальцы хозяина. Великий наставник прежде никогда не выказывал эмоций так открыто. Неужели виной всему загадочный Сюй Нуо? С тех пор как молодой человек оказался в поместье Чжао, он не проронил ни слова, словно отгородившись от мира невидимой стеной. Он игнорировал любые вопросы, но при этом беспрепятственно разгуливал где вздумается. За прошедшие два дня он сделал лишь четыре вещи: дважды встретил рассвет и дважды проводил закат.

Обычно безграничное терпение молодого господина уже таяло на глазах. Наблюдая за этим, Суйфэн рассудил, что старый Чжао должен знать правду. Быть может, старик сумеет подобрать ключ к сердцу сына или надоумит его отпустить странного гостя на все четыре стороны.

И потому, улучив минутку, он прошептал:

— Старый господин... — и выложил всё как есть.

Кто-то поселился в Обители Водной Луны! Да ещё и мужчина! Мало того — этот тип обожает среди бела дня забираться на крыши! Но самым поразительным было то, что на лице сурового стражника Суйфэна при упоминании этого гостя проступило нечто, подозрительно похожее на застенчивый румянец.

Собравшийся было уходить Чжао Куан мгновенно воспрял духом. В его жилах забурлила молодая кровь:

— Что?! Это правда?!

Слух в мгновение ока разнёсся по поместью. Взволнованно зашептались служанки на женской половине, зашущукались прачки у корыт, оживились конюхи и садовники... Всё поместье пришло в неопишное движение.

Суйфэн с ужасом понял, какую непростительную глупость совершил.

Старик Чжао сорвал с лица мешавшие повязки и, азартно потирая ладони, скомандовал:

— Чего стоим? Живо веди меня туда! Поглядим, что это за невиданный зверь поселился у моего сына!

Всего через час после этого весть разнеслась повсюду, но вместо весёлого шума в усадьбе воцарилась гробовая тишина. Каждый поспешил затаиться.

— Этот неблагодарный щенок! Как он посмел... Ох, моя поясница!.. Он же просто спит и видит, как бы уморить собственного отца! Прекрасно, просто замечательно! Раз он так хочет моей смерти, я назло ему буду жить! Ой... полегче ты, неси уже имбирный отвар! Чего застыли, пни неотёсанные?!

Укутанный в три слоя стёганных одеял Чжао Куан полулежал в плетёном кресле-качалке, хрипя и стона на весь дом.

А дело было вот в чём: толпа любопытных слуг во главе со старым барином попыталась прокрасться к Обителю Водной Луны, чтобы хоть краем глаза взглянуть на таинственного жильца. Однако на мосту к озерному павильону дорогу им преградил сам Чжао Бучжи. Он холодно отрезал, что гость нуждается в покое, и вход туда заказан абсолютно для всех.

Старик Чжао, отличавшийся упрямым и буйным нравом, решил доказать своё превосходство и, уповав на былую прыть, попытался перепрыгнуть ограждение моста. Но молодой хозяин усадьбы совершенно случайно задел его ногой, и почтенный родитель с шумом полетел в воду.

В итоге старик искупался в ледяной воде — поделом ему. Всех же увязавшихся за ним челядинцев Чжао Бучжи приговорил к двадцати ударам палками за пособничество безрассудству господина. Суйфэн, осознавая свою вину, явился сам, ожидая суровой кары, но, к общему удивлению, не получил даже выговора.

Это происшествие преподавало домочадцам несколько полезных уроков. Во-первых, старый барин в доме — всему голова. Во-вторых, если молодой господин дома, то первое правило теряет силу. На следующий день, когда у всех слуг, замеченных в разнесении сплетен об Обителе Водной Луны, таинственным образом распухли губы, усадьба безропотно усвоила третью заповедь: никогда, ни при каких обстоятельствах не чесать языком о делах господ.

— Молодой господин, я... — Суйфэн мялся у порога кабинета, переминаясь с ноги на ногу. — Старый хозяин велел передать, что я нарочно его подговорил... Обещал спустить с меня шкуру при первой возможности.

— Старый шут... — проворчал Чжао Бучжи. Он потянулся было к лежавшей на столе книге, но затем с невольным вздохом спросил: — Ну и как он себя чувствует?

В его голосе вопреки обычной суровости проскользнули нотки беспокойства.

Суйфэн покорно опустил голову:

— Старый господин только что уехал в Терем Сотни Цветов...

Чжао Бучжи на мгновение замер от изумления, а затем с тихим стуком швырнул свиток обратно на стол.

— Седина в бороду... — сквозь зубы процедил Великий наставник. Суйфэн благоразумно не поднимал глаз, слыша, как хозяин тихо ворчит: — Надо же, шестьдесят лет разменял, а прыти хоть отбавляй!

<http://bllate.org/book/20483/2131355>